<https://helda.helsinki.fi>

Marx and Kant's Dialectics : Commodity Fetishism as Transcendental Illusions?

Oittinen, Vesa

2019

Oittinen , V 2019 , ' Marx and Kant's Dialectics : Commodity Fetishism as Transcendental Illusions? ' , Voprosy filosofii , no. 2 , pp. 137-147 . <https://doi.org/10.31857/S004287440003881-4>

<http://hdl.handle.net/10138/326865>

<https://doi.org/10.31857/S004287440003881-4>

---

publishedVersion

Downloaded from Helda, University of Helsinki institutional repository.

This is an electronic reprint of the original article.

This reprint may differ from the original in pagination and typographic detail.

Please cite the original version.

Диалектика Маркса и Канта: товарный фетишизм как логика иллюзий?

Веса Ойттинен

В недавних дискуссиях вокруг Марксова «Капитала» понятие фетишизма и его место в критике политической экономики привлекли намного больше внимания, чем в марксоведении предыдущих десятилетий. До сих пор, однако, должным образом не осмыслены последствия, проистекающие из той более значительной роли, которую идея фетишизма обретает в теории Маркса. В этой статье обсуждается критическая функция концепции фетишизма у Маркса, сближающая его методологические устремления с критической философией Канта. Существует явный параллелизм между концепцией фетишизма и кантовской идеей трансцендентальной диалектики как «логики иллюзии». Так называемый «диалектический метод» в «Капитале» Маркса касается фактически только второй фазы движения метода, а именно изложения результатов исследования. Диалектическое изложение не открывает новых фактов; оно лишь обнажает фетишистские иллюзии, возникающие на «поверхности» капиталистической экономики. Тем самым оно подтверждает понятия, используемые Марксом в критике политической экономики, и помогает преодолеть эмпиристскую установку предшествующей, аналитической фазы исследования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: диалектика, теория фетишизма, критика политической экономики, Маркс, Кант, Гегель, трансцендентальная диалектика, метод Маркса.

ОЙТТИНЕН Веса — Университет Хельсинки / Алексантери институт (Финляндия). Доктор философии, профессор.

vesa.oittinen@helsinki.fi

Статья поступила в редакцию 4 сентября 2018 г.

Цитирование: Ойттинен В. Диалектика Маркса и Канта: товарный фетишизм как логика иллюзий? // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 137–147

Но тут он [Фердинанд Лассаль], к своему огорчению, увидит, что одно дело — путем критики впервые довести науку до такого уровня, чтобы ее можно было представить диалектически, и совсем другое дело — применить абстрактную, готовую систему логики к туманным представлениям о такой именно системе.

Маркс — Энгельсу, 1 февраля 1858 г.

В этой статье я обращаюсь к Марксовой теории товарного фетишизма и попытаюсь показать, что здесь открывается перспектива, позволяющая увидеть в методе изложения «Капитала» важные аналогии с кантовской концепцией диалектики как «логики иллюзий». Я говорю *анalogии*, ибо ясно, что Маркс не «кантианец»; на самом деле нет свидетельств, что он когда-либо глубоко изучал Канта. Но поскольку Маркс критикует абсолютный идеализм Гегеля, он волей-неволей приближается к тем «реалистическим» позициям Канта, которые Гегель пытался преодолеть. На это до сих пор не обращалось достаточного внимания в современных дискуссиях по теории Маркса. На более ранних стадиях рецепции идей Маркса, во времена Второго и Третьего Интернационала, теория фетишизма находилась на периферии восприятия экономической теории Маркса. Ни Каутский, ни Ленин, ни Грамши не особо отмечали ее. Новая тематизация этого понятия возникла только в начале 2000-х гг.

О пути Маркса к теории фетишизма

По мнению редакторов нового издания трудов Маркса и Энгельса (Marx — Engels — Gesamtausgabe, или MEGA), Маркс уже в 1864–1865 гг. должен был дать более-менее полный «обзор всех форм фетишизма» [MEGA II/5, 26]. Придерживаясь этой интерпретации, усматривающей достаточно развитую теорию фетишизма на относительно ранней стадии экономических исследований Маркса, редакторы MEGA дают в предметном указателе под рубрикой «Фетишизм» множество ссылок, как бы указывающих, что Маркс говорит о фетишизме в связи с анализом товаров уже в конце 1850-х и особенно в начале 1860-х, в подготовительных рукописях к «Капиталу» в 1861–1863-м и 1864–1865-м. В самом деле, существуют десятки редакторских отсылок к пунктам «Товарный фетишизм» или «Фетишизм» в предметных указателях комментаторских томов MEGA.

Однако, если проверить ссылки, сразу же станет ясно, что Маркс, как правило, *не* использовал выражения «фетишизм» или «товарный фетишизм» в местах, на которые даны эти ссылки. Почти во всех случаях ссылок из рубрики «Фетишизм» Маркс лишь в более общих терминах говорит о том факте, что при капитализме общественные отношения между людьми осуществляются в овеществленной (*vergegenständliche*) форме. Видимо, первый раз термин «фетишизм» использовался в ходе критики политической экономии в *Grundrisse*, в 1857–1858-м, где он встречается однажды [MEGA II/1.2, 567]. В тексте первого издания «Капитала» (1867) термин встречается дважды — во втором случае как «денежный фетиш» (*Geldfetsch*) [MEGA II/5, 50, 59]. А в Прибавлении (*Anhang*) к первой главе, которое Маркс писал наспех и отправил издателю после того, как рукопись уже была завершена, этот термин упоминается еще дважды, в первом случае — в заглавии [MEGA II/5, 637, 638].

Вполне очевидно, что редакторы MEGA приписали Марксу слишком прямолинейное теоретическое развитие, своего рода телеологизм, где дорога к понятию товарного фетишизма была намечена с самого начала. В противоположность данной интерпретации, я хотел бы подчеркнуть, что Маркс придал окончательный вид своей теории фетишизма лишь в 1870–1872 гг., во время подготовки второго немецкого издания «Капитала» (оно легло в основу французского издания, перевод которого Маркс в то самое время курировал). Можно даже говорить о разрыве, который произошел в экономической мысли Маркса в 1870–1872 гг., хотя выражение «разрыв» не стоит здесь воспринимать излишне драматически: Маркс поднимает на новый уровень демонстрацию того, как диалектический метод изложения (*Darstellung*) способен разрубить гордиев узел фетишистских иллюзий буржуазной политэкономии.

Первое издание «Капитала» еще не особо выделяло значение фетишизма. Первая глава, повествующая о товаре, не имела подразделов, представляя собой одно сплошное целое. Во втором издании (1872) первая глава (именуемая теперь *Abschnitt* — отдел) разбита на четыре подраздела: (1) «Два фактора товара», (2) «Двойственный характер заключающегося в товарах труда», (3) «Форма стоимости, или меновая стоимость», (4) «Товарный фетишизм и его тайна». Значительно более детальное подразделение первой главы — это главное изменение, которое Маркс сделал для второго издания

«Капитала»; все прочие изменения в тексте первого издания намного менее существенны.

Маркс почувствовал необходимость в переработке первой главы сразу же по окончании первого издания «Капитала» в 1867-м. Рукопись была уже отослана издателю Отто Мейснеру в Гамбург, когда Маркс начал писать Прибавление (*Anhang*) к главе I, и оно было включено в конец издания 1867 г. как отдельный текст.

В Прибавлении Маркс обсуждает стоимость, выражение которой характеризуется инверсией (*Verkehrung* — «перевертывание»): чувственное и конкретное «получает значение всего лишь формы проявления абстрактно-всеобщего», а не наоборот (что было бы «нормальным» случаем). Эта инверсия ведет к четырем «особенностям эквивалентной формы» (*Eigentümlichkeiten der Aequivalentform*). Первая инверсия состоит в том, что потребительная стоимость становится формой проявления своей противоположности, стоимости. Вторая характерная инверсия в том, что конкретный труд становится формой проявлений своей противоположности, абстрактного человеческого труда. Третья — что частный труд становится формой своей противоположности, трудом в непосредственно общественной форме. Наконец, четвертая инверсия заключается в той особенности, что «фетишизм товарной формы разительнее в эквивалентной форме, чем в относительной форме стоимости» [Маркс, Энгельс 1955–1981 XLIX, 150].

Но, несмотря на попытку прояснить дело в последний момент, Маркс в «Капитале» 1867 г. не сумел удовлетворительно представить развитие формы стоимости и товарный фетишизм. Так что, когда представилась практическая возможность выпустить второе издание «Капитала», Маркс приступил к работе над более складным изложением дела в первой главе книги. Теперь изложение имело поясняющие подразделы, разбитые на триады, напоминающие о гегелевской диалектике: глава состоит из трех параграфов, и третий, «Форма стоимости», в свою очередь состоит из трех подразделов (простая, полная и всеобщая формы стоимости).

Четвертый параграф, «Фетишизм товаров», однако, явно стоит вне этого триадического членения. Несмотря на то, что развитие формы стоимости достигает кульминации в параграфе о фетишизме, этот параграф как таковой является не частью диалектического развития, а неким отступлением.

Критическая функция понятия фетишизма

Но почему для Маркса так важно представить развитие формы стоимости в виде диалектических пируэтов? Не достаточно ли для этого было простой констатации двойственного характера стоимости товара и, соответственно, труда при капитализме? К чему это «кокетничанье» с гегельянскими выражениями, в коем сам Маркс — пусть и иронически — повинился в Предисловии ко второму изданию «Капитала»? И зачем ему понадобился экскурс о товарном фетишизме, разрывающий диалектическое изложение теории стоимости?

Издатели MEGA пытаются объяснить важность теории фетишизма у Маркса следующим образом: «Во втором издании рассмотрение товарного фетишизма получило более сильный толчок и было представлено в качестве узлового пункта, облегчающего понимание превращенных буржуазных форм осознания общественных отношений, и в качестве итога анализа товара и стоимостной формы... Резче подчеркивается, что товарный фетишизм есть объективная форма мысли, характерная для капиталистических отношений. Это было следствием более детального исследования социальной природы субстанции стоимости, величины стоимости и, в особенности, стоимостной формы социальной предметности. Тем самым усовершенствовалось и материалистическое обоснование теории товарного фетишизма» [MEGA II/6, 28].

И чуть далее: «Он (Маркс. — В.О.) охарактеризовал товарный фетишизм как объективную форму мысли, в которой сущность капиталистических производственных отношений выражается в завуалированном виде... Показывая, что товарный фетишизм возникает не из содержания стоимостных определений, а из товарной формы продукта труда, Маркс помещает товарный фетишизм в конкретную историческую среду, и это

изложение получает дальнейшее развитие во втором издании («Капитала». — В.О.)» [MEGA II/6, 28].

Издатели MEGA перечисляют несколько важных пунктов теории фетишизма, среди которых ключевая идея в том, что товарная форма представляет (zurückspiegelt — «отражает», пользуясь собственным выражением Маркса) общественные отношения между производителями как отношения между вещами. Далее отмечается тот несомненный факт, что товарный фетишизм возникает не из *содержания* стоимостных определений (Wertbestimmungen), но из их *формы* (их общественной формы как товаров). Вот диалектика формы и содержания в действии — диалектика, хорошо разработанная уже Гегелем, а у Маркса нашедшая иное применение.

Но редакторы MEGA почему-то не задаются вопросом, каково отношение теории фетишизма во втором издании «Капитала» к Марксову диалектическому методу изложения. Так что поставленный мною выше вопрос сохраняет силу: к чему вдаваться в диалектические тонкости, когда можно было просто констатировать двойственный характер стоимости и труда? И почему обсуждение фетишизма принимает форму отступления от последовательного изложения (Darstellung) стоимостных форм?

Как таковая, основная идея теории фетишизма весьма проста: в экономике, покоящейся на товарном производстве, фетишизм состоит в иллюзиях, проистекающих из инверсии (Verkehrung) реальных отношений. Тезис инверсии не является оригинальной идеей Маркса, но встречается уже в теории религии Фейербаха. Правда, Маркс не упоминает здесь имени Фейербаха, но связь между ними вполне очевидна. Сравнение — в форме аналогии — мира товаров с миром религии появляется уже в Прибавлении в издании «Капитала» 1867 г.:

Чтобы найти аналогию, нам пришлось бы забраться в туманные области религиозного мира. Здесь продукты человеческой головы представляются самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью и находящимися в определенных отношениях друг с другом и с людьми. То же самое происходит в мире товаров с продуктами человеческих рук. Это я называю *фетишизмом*, который присущ продуктам труда, коль скоро они производятся как *товары*, и который, следовательно, неотделим от *товарного производства* [Маркс, Энгельс 1955–1981 XLIX, 151–152].

Коротко говоря, иллюзия, создаваемая фетишистской инверсией, состоит в том факте, что люди воспринимают свои общественные отношения как отношения между вещами (товарами). На деле, товары суть продукты общественного труда, но фетишизм приводит к тому, что люди видят в них независимых агентов. «Только определенное общественное отношение самих людей принимает здесь для них фантастическую форму отношения вещей» [Маркс, Энгельс 1955–1981 XLIX, 151].

Этот фетишизм, столь простой в своих истоках, сопровождает все явления капиталистического общества, принимая все более резкие, острые формы. Уже в рукописи 1864 г., опубликованной впоследствии Энгельсом в третьем томе «Капитала», Маркс мог описывать «наиболее внешнюю и фетишистскую форму», которую принимают отношения капитала, когда они развиваются в капитал, приносящий проценты. Формульное выражение всего процесса: $D - D'$, где D остается за деньгами, а $D' = D + \Delta D$, т.е., попросту говоря, формула «денег, делающих еще большие деньги». «Это, — пишет Маркс, — первоначальная и всеобщая формула капитала, сокращенная до бессмысленного резюме». В форме процентного капитала инвестированные деньги кажутся самопорождающими, приносящими большие деньги, без всякой помощи процесса производства и обращения. «Капитал представляется таинственным и самосозидающим источником процента, своего собственного увеличения»:

Поэтому в капитале, приносящем проценты, этот автоматический фетиш, самовозрастающая стоимость, деньги, высиживающие деньги, выступает перед нами в чистом, окончательно сложившемся виде» Общественное отношение получило законченный вид, как отношение некоей вещи, денег, к самой себе. Вместо действительного превращения денег в капитал здесь имеется лишь бессодержательная форма этого превращения. Как в случае с рабочей силой, потребительной стоимостью денег становится здесь способность создавать стоимость, большую стоимость, чем та, которая заключается в них самих. <...> Создавать стоимость, приносить проценты является их свойством совершенно так же, как свойством грушевого дерева — приносить груши. <...> Но этого мало. <...> Процент, являющийся не чем иным, как лишь частью прибыли, т.е. прибавочной стоимости, которую функционирующий капиталист выжимает из рабочего, представляется теперь, наоборот, как собственный продукт капитала, как нечто первоначальное» Здесь фетишистская форма капитала и представление о капитале-фетише получают свое завершение. В *D — D'* мы имеем иррациональную форму капитала, высшую степень искажения и овеществления производственных отношений; форму капитала, приносящего проценты, простую форму капитала, в которой он является предпосылкой своего собственного процесса воспроизводства; перед нами способность денег, соответственно товара, увеличивать свою собственную стоимость независимо от воспроизводства, т.е. перед нами мистификация капитала в самой яркой форме [Маркс, Энгельс 1955–1981 XXV (1), 430–432].

Итак, Маркс уже в 1864 г. вполне осознавал, что поистине всеобъемлющая иллюзорность создается фетишизмом на поверхности функционирования капиталистической экономики. Однако этот пассаж в рукописи как бы лишь мимоходом намекает на тему фетишизма — в 1864 г. Маркс еще четко не определил, какое системное место должна занимать эта тема в критике политической экономии. В контексте теории фетишизма Маркс говорит о капитале и стоимости как «автоматически действующем субъекте», что было истолковано некоторыми авторами в традиции Франкфуртской школы так, будто люди при капитализме и в самом деле перестают быть субъектами, и деятельным агентом общества вместо них становится капитал, выполняющий функции, схожие с теми, что выполнял Дух в философии Гегеля. Но чуть ниже Маркс показывает, что этот «автоматизм» лишь кажущийся, не реальный, так как возникает апория или, если хотите, антиномия. Если товаровладелец хочет стать капиталистом, он «должен купить товары по их стоимости, продать их по их стоимости и все-таки извлечь в конце этого процесса больше стоимости, чем он вложил в него» [Маркс, Энгельс 1955–1981 XXIII, 177]. Это противоречие, создающее такие трения в предполагаемой «автоматической» мельнице капитала, что она вынуждена встать, если только капитал не добудет смазку извне для поддержки ее колес в движении.

Как капитал справляется с этим противоречием? Ответ Маркса прост: «Извлечь стоимость из потребления товара нашему владельцу денег удастся лишь в том случае, если ему посчастливится открыть в пределах сферы обращения, т.е. на рынке, такой товар, сама потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимости, — такой товар, действительное потребление которого было бы овеществлением труда, а следовательно, созданием стоимости» [Маркс, Энгельс 1955–1981 XXIII, 177–178]. Иными словами, это прибавочная стоимость от неоплаченного труда дает рождение капиталу и, в конечном счете, капиталистической экономике в целом. Капитализм, в действительности, поддерживается не каким-то автоматическим движением стоимости и капитала, но, напротив, доступностью рабочей силы в качестве товара и источника прибавочной стоимости.

Процитированные выше отрывки из Маркса ясно показывают критическую функцию понятия фетишизма. Оно указывает, что видимая «поверхность» явлений капиталистической экономики не отражает ее реальную сущность напрямую, но искажает ее.

Это искажение Маркс называет «quidproquo» (одно вместо другого), подразумевая, что тут происходит инверсия, переворачивание реальных отношений с ног на голову. Ввиду этой структурной особенности Маркс и уподобляет товарный фетишизм религии, которая, согласно Фейербаху, создается именно такой инверсией.

Диалектика и фетишизм

Все свидетельствует в пользу того, что на исходе 1860-х — в начале 1870-х Маркс осознал значимость теории фетишизма и ему удалось сформулировать это прозрение в тех улучшениях, которые были внесены им во второе немецкое издание «Капитала» и в его французский перевод.

Теория фетишизма, бывшая ранее всего лишь одной из «особенностей» эквивалентной формы, получает теперь новый, более высокий статус. По мере того как Маркс начинает все больше сознавать роль теории фетишизма, он устраняет упоминания о Гегеле и гегелевской диалектике из своего труда. Этот процесс отмечался еще Гансом-Георгом Бакхаусом, известным немецким исследователем школы так называемых «логиков Капитала» (немецкое прозвище — «Kapitallogiker»), пытавшейся показать тесное родство методов Маркса и Гегеля. Тем не менее Бакхаус усматривает во все более глубоких прозрениях Маркса лишь «вульгаризацию» и измену Маркса своему изначальному гегельянству. Согласно Бакхаусу, «вульгаризация» началась уже с Прибавления о форме стоимости в издании «Капитала» 1867 г., дав начало процессу, который «...в конечном итоге вел, через вульгаризованный и историцистски переработанный (historicised) текст второго издания “Капитала”, к теории простого товарного производства и, таким образом, к отказу от идеи диалектической теории стоимости и денег» [Backhaus 1997, 258]. Бакхаус заходит так далеко, что говорит даже о попытках Маркса «скрыть» диалектический метод в своих поздних работах по политической экономии.

Интерпретация Бакхауса явно основана на допущении, что Маркс пользуется диалектическим методом изложения на гегельянский манер — как способом представления целостной реальности капитализма в диалектическом движении категорий. Он даже бросает упрек, что Марксу не удалось достаточно убедительно проделать это повсюду в своей главной работе. В таком прочтении теория фетишизма есть не что иное, как продолжение диалектики стоимостной формы, выводимое из эквивалентной формы в качестве ее четвертой «особенности». Это относится, однако, лишь к «Капиталу» версии 1867 г. и не принимает в расчет тот факт, на который я выше ссылался, а именно, что в версии «Капитала» 1872 г. параграф о фетишизме представляет собой явное отступление от диалектического изложения стоимостной формы, даваемого в первой главе. Между 1867 и 1872 гг. Маркс, таким образом, пересмотрел свой взгляд на статус теории фетишизма в своей критике политической экономии.

Коррекнее, на мой взгляд, интерпретирует Маркса в этом вопросе Михаэль Хайнрих, отмечая, что анализ фетишизма является предварительным условием критики политической экономии [Heinrich 2008, 202 sqq.]. Другими словами, теория фетишизма у Маркса не *результат* диалектического изложения исходных категорий политической экономии, а ее *предпосылка*. (Эта трактовка переворачивает прочтение Бакхауса, но поскольку прочтение Бакхауса гегельянское, тем самым последовательно выполняется собственная Марксова программа переворачивания Гегеля с головы на ноги!)

Диалектическое изложение категорий капиталистического способа производства, стало быть, продвигается так, что впервые как бы принимаются всерьез фетишизированные формы этих категорий. Это своего рода «феноменологический» подход, в котором положение дел поначалу принимается в том виде, в каком оно нам является. Маркс анализирует циклы $D - T - D'$ и $T - D - T$ и устанавливает, как издержки ведут к противоречиям, и, наконец, он указывает путь выхода из противоречий, давая понять, как обстоит дело в действительности. Например, во второй части, где речь идет о превращении денег в капитал:

Если в простом обращении стоимость товаров в противовес их потребительной стоимости получала в лучшем случае самостоятельную форму денег, то здесь она внезапно выступает как саморазвивающаяся, как самодвижущаяся субстанция, для которой товары и деньги суть только формы. Более того. Вместо того чтобы выражать собой отношение товаров, она теперь вступает, так сказать, в частное отношение к самой себе. Она отличает себя как первоначальную стоимость от себя самой как прибавочной стоимости, подобно тому как бог отец отличается от самого себя как бога сына, хотя оба они одного возраста и в действительности составляют лишь одно лицо. Ибо лишь благодаря прибавочной стоимости в 10 ф. ст. авансированные 100 ф. ст. становятся капиталом, и как только они стали им, как только родился сын, а через сына и отец, тотчас снова исчезает их различие, и оба они едино суть: 110 фунтов стерлингов [Маркс, Энгельс 1955–1981 XXIII, 165–166].

Что стоимость должна выступать как «субъект» — это, конечно, фетишистское выражение, и Маркс разъясняет это, сравнивая положение дел с религиозным отчуждением. Диалектическое изложение (кажущегося) движения стоимости приводит в конце концов — через демонстрацию того, как фетишистское понимание экономических категорий порождает противоречия, — к решению: «Таким образом, $D - T - D'$ есть действительно всеобщая формула капитала, как он непосредственно проявляется в сфере обращения» [Маркс, Энгельс 1955–1981 XXIII, 166].

Вся «диалектика» товара и денег на самом деле (in der Tat, как пишет Маркс) является всего лишь видимостью, имеющей так же мало общего с действительностью, как и теологические тонкости отношений между различными ипостасями христианского Бога. Реальность остро выражена в последнем члене общей формулы капитала — D' . То есть возрастание стоимости обусловлено добавлением к ней прибавочной стоимости. Секрет «диалектики» стоимости, таким образом, кроется просто в эксплуатации живого труда, эксплуатации, не видимой на поверхности формально равноправных общественных отношений между людьми.

Не следует забывать ни подзаголовок «Капитала» — «Критика политической экономии», ни объяснение in puse Марксом цели и задач его основного труда в письме Лассалю еще в феврале 1858-го: «Работа, о которой идет речь в первую очередь, — это критика экономических категорий, или, если угодно, система буржуазной экономики, критически представленная» [Маркс, Энгельс 1955–1981 XXIX, 449]. В пику утверждениям гегельянски ориентированных марксистов, можно, таким образом, сказать, что именно эта критика была движущей силой и лейтмотивом теоретической работы Маркса; Маркс прибегает к диалектике, поскольку та как метод «по самому существу своему критична и революционна», учитывая преходящую природу всякой общественной формы [Маркс, Энгельс 1955–1981 XXIII, 22]. Можно согласиться с Эммануэлем Рено, который пишет: «Маркс не дает ни намека на то, как следует понимать различные функции диалектики в его труде; но, с другой стороны, он стремился, уже с юных лет, артикулировать политический и методологический смысл идеи критики; и именно эта артикуляция продолжает играть определяющую роль в его критике политической экономии» [Renault 2009, 55].

Но зачем вообще ему понадобилась диалектика? Ведь и сам Маркс признавал, что первая глава «Капитала», имеющая дело с теорией стоимости, требует усилий от читателя. Можно было бы ожидать, что он изберет какой-то более легкий способ изложения. Полагаю, ответ кроется в антиэмпирическом понимании науки, которое Маркс резюмировал хорошо известной сентенцией: «...если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня» [Маркс, Энгельс 1955–1981 XXV (2), 384]. Антиэмпирическая установка, требующая различать между тем, чем кажутся вещи и чем они реально являются, требует также существенного усовершенствования общепринятого метода современной науки. В этом отноше-

нии особенно интересно Послесловие Маркса ко второму немецкому изданию «Капитала», где он так и высказывается:

Конечно, способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. *Лишь после того как эта работа закончена* (курсив мой. — В.О.), может быть надлежащим образом изображено действительное движение. Раз это удалось и жизнь материала получила свое идеальное отражение, то может показаться, что перед нами априорная конструкция [Маркс, Энгельс 1955–1981 XXIII, 21].

Маркс проводит здесь четкое различие между «аналитической» фазой исследования и «синтетической» частью представления результатов. То, что он именует «диалектическим методом», относится прежде всего ко второму методическому шагу, синтезу, который впервые становится возможным после того, как анализ сделал свое дело и подготовил необходимые стройматериалы. В самом деле, аналитическая фаза, т.е. деконструкция объекта исследования, есть в основном процесс, протекающий лишь в голове исследователя; второй же шаг, изложение, призван убедить других людей, читателей. Изложение не добавляет ничего нового к результатам анализа; оно лишь располагает их в новом порядке и последовательности. То, что Маркс понимал свой метод именно так, явствует, например, из его ироничного комментария в письме к Энгельсу насчет планов Лассалья «представить политэкономия в гегельянской манере»: «...он [Лассаль], к своему огорчению, увидит, что одно дело — путем критики впервые довести науку до такого уровня, чтобы ее можно было представить диалектически, и совсем другое дело — применить абстрактную, готовую систему логики к туманным представлениям о такой именно системе» [Маркс, Энгельс 1955–1981 XXIX, 224].

Различие, которое Маркс делает между аналитическим и синтетическим моментами метода в Послесловии ко второму изданию «Капитала», следует понимать как следующий шаг прочь от Гегеля. В гегелевской объективно-идеалистической диалектике анализ и синтез образовали неделимое единство, потому что абсолютный метод «...проявляется не как внешняя рефлексия, а берет определенное из самого своего предмета, так как сам этот метод есть имманентный принцип и душа» [Гегель 1972, 295].

Эта несколько загадочная формулировка означает, что для Гегеля метод и его объект в конечном счете тождественны: движение объекта есть не что иное, как движение самого метода. Маркс, со своей стороны, отвергает отождествление объекта с методом исследования — он подчеркивает уже во Введении к *Grundrisse*, что изложение, в котором происходит восхождение от абстрактного к конкретному, не следует понимать как возникновение конкретного как такового, а стало быть, в вопросе метода он остается ближе к Канту, нежели к Гегелю.

«Диалектика» в «Капитале» Маркса (как в 1867 г., так и в более поздних версиях) касается прежде всего формы изложения. Как хорошо известно, Маркс проводил различие — наиболее явным образом в Послесловии ко второму немецкому изданию «Капитала» — между исследованием (*Forschung*) и изложением (*Darstellung*). Эта дилекция много обсуждалась в литературе, и я не могу здесь вдаваться в детали. В творческом процессе работы на этапе исследования Маркс уже раскрыл существенные черты буржуазной экономики, разоблачив иллюзии как классической, так и вульгарной политической экономии. Критика уже сыграла свою главную роль на этой ступени, которая, так сказать, готовит условия для диалектического изложения. Когда эти условия созданы, изложение результатов показывает, ведя читателя через разные ступени диалектических превращений, что фетишистские иллюзии на поверхности капиталистической экономики имеют свои реальные причины в товарной форме и эксплуатации труда.

Таково решающее отличие от гегелевского понимания диалектики. «Логика» Гегеля состоит на деле лишь в изложении. Предшествующая фаза критического исследования

в нем более или менее отсутствует вследствие того факта, что Гегель в общем враждебен к критическим интенциям Канта, который, согласно Гегелю, сыграл негативную роль, создавая дуализмы и препятствуя финальному синтезу. Иными словами, критически-аналитический момент, заметный и у Канта, и у Маркса, слабо развит у Гегеля. Вместо этого он нацелен на примирение (*Versöhnung*) с существующим миром. Это согласуется с гегелевским неприятием Просвещения. Для Гегеля философия XVIII столетия была слишком односторонне материалистической и атеистической, и в своей борьбе против предрассудков *ancien régime* она неоправданно порвала с религией вообще. Гегель возжелал высшего синтеза, который примирит антиномию Просвещения и христианской религии, и по этой причине он не мог принять того, что идея критики должна быть признана фундаментальной. Марксова материалистическая критика Гегеля отказывается принять примиряющее опосредствование субстанции и субъекта, образующее основу всей гегелевской философской программы. В этом отношении Маркс возвращается к «дуализмам» Канта.

Вопрос «скрытого» родства Маркса с Кантом в методологическом отношении, конечно, не нов. Еще в 1960-х чешский марксист Индржих Зелены спрашивал в своем важном исследовании по науке логики Маркса, можно ли усмотреть сходства между Кантом и Марксом как «критиками разума» [Zelený 1972]. Не стоит и говорить, что этот путь постановки вопроса следует отличать от неокантианского прочтения марксизма в начале 1900-х. Репутация того прочтения, вследствие ее близости к ревизионизму бернштейнианского типа, привела к тому, что попытки найти кантианские мотивы в теории Маркса обычно встречались с подозрением исследователями Маркса и левыми теоретиками. Мне кажется, однако, вполне законным спросить, не оказывается ли, что дистанцирование Маркса от Гегеля приводит его на позиции, близкие к позициям Канта. Конечно, Марксово «возвращение к Канту» является «диалектическим»: это не простой возврат, но возврат на более высоком уровне, как отрицание гегелевского отрицания позиций Канта.

Назад к Канту?

Что до Марксовой теории фетишизма, теперь имеет смысл спросить, не приближается ли Маркс к кантовскому понятию диалектики? По Канту, диалектика была принципиально негативной дисциплиной. Ее задачей было разоблачение «трансцендентальных иллюзий» чистого разума, который в отрыве от опыта с необходимостью впадает в антиномию. Поскольку же изложение Марксом диалектической последовательности экономических категорий (в первой главе «Капитала» она доводится до понятий товара и форм стоимости) служит генетически-критическим объяснением реальной природы капиталистического способа производства, показывая, сколь иллюзорна поверхность буржуазных обществ, постольку мы должны, конечно, сказать, что диалектика выполняет здесь функцию, аналогичную той, что и у Канта.

Я говорю «аналогичную», а не «сходную». Кант объясняет возникновение трансцендентальных иллюзий — которые следует отличать от чисто логических ошибок или вызывающих заблуждения чувственных восприятий — как вытекающее из смешения субъективных принципов познания с принципами объективными: случается так, говорит он, что «субъективная необходимость соединения наших понятий в пользу рассудка принимается нами за объективную необходимость определения вещей самих по себе» [Кант 1994, 273].

Этой иллюзии невозможно избежать, так как она принадлежит к природе самого нашего разума. Таким образом, делом трансцендентальной диалектики должно быть предотвращение, как бы *post festum*, и рассеивание такого рода иллюзий. Однако, поскольку нельзя устранить из нашего разума источник иллюзий, она может лишь заставить нас осознать их существование и предостеречь от впадения в них [Кант 1994, 273–274].

Кант определял трансцендентальное как нечто, что должно быть применимо «...ко всякому познанию, занимающееся не столько предметами, сколько видами нашего познания предметов, поскольку это познание должно быть возможным *a priori*» [Кант

1994, 56]. Решающая разница между Кантом и Марксом в том, что Маркс не разделяет Кантов априоризм. Но если мы опустим априористскую претензию, Кантова трансцендентальная диалектика и теория фетишизма Маркса заняты сходным делом: обе говорят не столько об объектах самих по себе, сколько о нашем способе их познания.

Другой аспект сходства между теориями Канта и Маркса в том, что Кантово учение о трансцендентальном, диалектических иллюзиях, было направлено против претензий метафизики, требовавшей способности выводить из чистого разума реальное и притом неизменное и вечное знание о мире и человеке. Аналогичным образом Марксово учение о фетишизме направлено против претензий буржуазной политэкономии, требовавшей нахождения вечных, естественных и неизменных законов экономической жизни. Можно, таким образом, сказать, что Маркс сделал в отношении буржуазной политэкономии то же самое, что Кант — для прежней метафизики, а именно разрушил критическим вмешательством ее основание.

Третий аспект относится к тому, как Кант понял задачи дедукции. Она должна подтверждать и обосновывать наши понятия, очистив их от субъективных иллюзий. Функция *подтверждения* в кантовской теории отражает особый случай того синтеза эмпиризма и рационализма, который играет конститутивную роль в его философии. Эмпирические понятия фактически не нуждаются ни в какой дедукции из образуемых в дальнейшем понятий, так как они, более или менее несомненно, относятся к опыту. Иначе обстоит дело с научными абстракциями: их использование не может ограничиться лишь (как Кант это формулирует) *quaestio facti*, т.е. констатацией фактов; они требуют в дополнение признания *quaestio juris* (того, как эти факты обосновываются). Диалектическое изложение выполняет у Маркса аналогичные задачи: эмпирическое утверждение того факта, что капиталист выжимает прибавочный труд из своих работников, является не чем иным, как *quid facti*; для того чтобы доказать его как *quid juris*, требуется диалектическая дедукция. Так как Кант равнялся на образец юридического процесса, который требует лишь доказательств «вне разумного сомнения», то здесь нет попытки достичь аподиктической достоверности, в отличие от гегелевской диалектики.

Резюмируя мой тезис: значимость и скрытый смысл диалектической формы представления стоимостной формы состоит в том, чтобы заложить основу для критической теории «социальных иллюзий»; т.е. чтобы показать, что буржуазные формы сознания, касаясь природы экономических реалий, на деле оказываются перевернутыми с ног на голову (собственное немецкое выражение Маркса — *verkehrt*; оно может переводиться даже как «извращенное»). Это сделано, как уже отмечалось, при помощи демонстрации того, что при капитализме товарное производство становится всеобъемлющим, чем и создается всеобщее господство фетишизма, т.е. той иллюзии, будто «общественное отношение производителей к совокупному труду [*Gesamtarbeit*] представляется им находящимся вне их общественным отношением вещей», как то формулирует Маркс [Маркс, Энгельс 1955–1981 XXIII, 94].

Перевод с английского А.Д. Майданского

Источники и переводы — Primary Sources and Russian Translations

MEGA (*Marx–Engels–Gesamtausgabe*), Dietz Verlag, 1972–1999, Akademie-Verlag, 1999–, Berlin.
Гегель 1972 — *Гегель Г. В.Ф.* Наука логики. В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1972 (Hegel, G.W.F. *Wissenschaft der Logik*. Bd. II).

Кант 1994 — *Кант И.* Критика чистого разума // Кант И. Сочинения в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 3 (Kant I. *Kritik der reinen Vernunft*, Russian translation).

Маркс, Энгельс 1955–1981 — *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения, 2-е изд., в 50 т. М.: Политиздат, 1955–1981 (Marx K., Engels F. *Werke*. Russian translation).

Marx and Kant's Dialectics: Commodity Fetishism as Transcendental Illusions?

Vesa Oittinen

In recent discussions around Marx's *Capital*, the concept of fetishism and its place in the critique of political economy has obtained considerably more attention than in the Marx scholarship of previous decades. However, all consequences of the more prominent role which the idea of fetishism is obtaining in Marx's theory, have not so far yet been worked out. In this paper I discuss the critical function of the fetishism theory in Marx, which brings his methodological aspirations closer to Kant's critical philosophy. There is a clear parallelism between fetishism theory and Kant's idea of transcendental dialectics as a "logic of illusions". The so-called "dialectical method" in Marx's *Capital* concerns actually only the second phase of the movement of the method, viz. the exposition of the results of inquiry. Dialectical exposition does not discover new facts; it only lays bare the fetishistic illusions which arise on the "surface" of capitalist economy. In doing this, it justifies the concepts Marx uses in his critique of political economy and helps to overcome the empiristic stance of the previous analytic phase of investigation.

KEY WORDS: dialectics, fetishism theory, critique of political economy, Marx, Kant, Hegel, transcendental dialectics, Marx method.

OITTINEN Vesa – Aleksanteri Institute, University of Helsinki (Finland).
Ph.D., Professor.

vesa.oittinen@helsinki.fi

Received at September 4, 2018.

Citation: Oittinen, Vesa (2019) "Marx and Kant's Dialectics; Commodity Fetishism as Transcendental Illusions?", *Voprosy Filosofii*, Vol. 2 (2019), pp. 137–147.

DOI: 10.31857/S004287440003881-4

References

- Backhaus, Hans-Georg (1997) *Dialektik der Wertform*, Ça ira, Freiburg.
Heinrich, Michael (2008) *Wie Das Marxsche Kapital Lesen? Teil 1, Leseanleitung und Kommentar zum Anfang des "Kapital"*, Schmetterling Vlg., Stuttgart.
Renault, Emmanuel (2009) "Qu'y a-t-il au juste de dialectique dans Le Capital de Marx?", *Marx – Relire Le Capital*, Frank Fischbach (ed.), PUF, Paris, pp. 43–76.
Zelený, Jindřich (1972) *Die Wissenschaftslogik bei Marx und "Das Kapital"*, Europäische Verlagsanstalt, Frankfurt am Main, etc.